

Распутин В.

6
1985/III

Валентин
РАСПУТИН

ВЕЧНЫЙ РОДНИК

Мин., 29.2.1985, в материале, что

СЛУЧИТЬСЯ такое, что пришлось бы нам держать ответ перед какой-то всесветной силой за национальную духовность, — что представили бы мы отчетом за свою историческую продолжительность? Бесспорно, «Слово о полку Игореве», Пушкина и Достоевского, остальное в зависимости от того, как много позволилось бы называть. Но эти три строки прежде всего и в таком именно порядке.

Мы, пожалуй, и не подозреваем, насколько глубоко «Слово» впиталось в нашу кровь. Уже изначальным составом подготовлено в нас место для его восприятия. «Что мне шумит, что мне звенит издали рано до зари!» — эти слова были во мне еще до того, как я прочитал их в современной транскрипции, они звучали прежде в той архаике, в какой впервые были сказаны. И Святославо «золотое слово, со слезами

смешанное», и плач Ярославны, и нескончаемое горькое во все века: «...тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую», «...сваты попоиша, а сами полегоша...», и светлое-тресветлое, освобождающее сердце от плена: «Солнце светится на небе — Игорь князь в Русской земле». Это «тресветлое», как у Ярославны, вместе с «треисподней», «тугой» (печаль, горе) и «комонем» (конь) в самой употребительной форме отыскал я недавно в так называемом «Русском Устье» на Индигирке рядом с Ледовитым океаном, куда русский человек, по преданью, приплыл на кочах еще во времена Грозного и где в окружении инородцев и вдали от терзавших Россию перемен до самых последних дней сохранял свой старый язык. Чудилось мне, когда я слушал эту речь, что от похода Игорев

же правил. Так много и полно о русской доле было сказано «Словом» и с такой изнуряющей правдой и вместе с такой спасительной верой, что все это в единстве стало первым и необходимым условием литературы. Призыв на определенном этапе духовной высоты перешел во вдохновенную проповедь, проповедь при ослаблении исторической памяти вернулась к объединяющему призыву. Редчайшую изобразительную красоту после «Слова» грешно было терять, природа для того, кажется, и создала русский язык, чтобы в полной мере выразить себя, и отечественная наша словесность, питавшаяся народной поэзией в XIX веке с заходом в XX, добилась едва ли не абсолютного слуха. Художническая отвага автора «Слова» и гражданское его возбуждение дали прекрасные плоды.

Две вещи поражают меня

ее лучших и не самых лучших качествах? По внутренней своей системе минувшие века мало изменили нас, мы до сих пор внуки Даждьбога и в огромной степени зависим от природного мира, в котором были рождены и который воспитал наш общий характер. И свичаи, и обычаи, и верования, и труды наши от той земли, которая была отчиной и дединой еще нашим предкам. И потому есть все основания считать, что ничто так сильно и разрушающе не влияет на нашу душу, ничто так не опустошает ее и не изгоняет, как безоглядное и неразумное, в угоду сомнительным временным интересам, изменение окружающей нас природной почвы.

Нелишне бы помнить об этом, чтобы, пользуясь строкой из «Слова», не «встала обида въ гилахъ Дажь-Боже внука».